

# ОВОА ВИДИТ ХРЕНОВО

*Давно замечено, что набрякшие слезы заметно обостряют зрение. Благодаря им в глазах появляется естественные линзы, которые очень быстро расплываются.*

Из записок неюного натуралиста

Смахнув неожиданно навернувшуюся слезу, близорукий Вова отправился в магазин, услышав на дорожку привычный мамин наказ: «И пельмени не забудь купить. Дома жрать нечего!»

В дверной щели соседской квартиры торчала сложенная бумажка. Так обычно оставляют послания всякие человеконенавистнические организации. Вовины соседи – люди темные, подозрительные. И снимают они хату у не менее стремных хозяев.

«Поди, из прокуратуры, – предположил Вова, – или из следственного комитета бумага».

Внезапно потеряв контроль над собственным любопытством, Вова вытянул листочек. На документе стоял штамп ближайшего отделения полиции.

«Дорогой Вова, – гласил отпечатанный на принтере текст. – Мы знали, что ты сунешь свой длинный нос не в свое дело. Соседи твои – изрядные отморозки. Но компромат на них пока еще не собран. Однако мы работаем. Потерпи немного. Скоро мы их привлечем. А это извещение для тебя. Короче говоря, срочно поезжай по адресу: 2-я Судомонтажная улица, дом 5, к. 2, квартира 107. И будет тебе счастье. Не теряй ни

минуты! Прямо сейчас отправляйся на Судомонтажную! Срочно! Бросай все и беги туда! Беги, я тебе сказал, ни о чем не думай! Ты еще стоишь? Лучше не зли меня! Считаю до трех. Два уже было. Капитан Лубков».

В тот день особых дел у Вовы не намечалось, как и в другие иные дни. Жил Вова, в общем-то, исключительно настоящим, изредка возвращаясь мыслями в прошлое. Словом, праздно он жил, не парился. Случалось, ему подбрасывали нехитрую копеечную работенку – сверстать рекламный баннер или презентацию, но происходило это нечасто, а в последние месяцы заказы как-то совсем скисли. Но он не грузился, понимая, что не в деньгах счастье. И даже не в их количестве. На сигареты, дешевый алкоголь, интернет и редкий флирт Вова денежек наскребал. А больше ему и не требовалось.

«По крайней мере, – частенько рассуждал Вова. – Я не изменил самому себе, не прогнул. Если я – квалифицированный креативщик, совмещающий функции дизайнера и копирайтера, значит, я им и останусь. И ничего вы со мной не сделаете. Себя надо ценить! Всякое бывало – переживем и этот кризисный период».

Почему Вова отправился на Вторую Судомонтажную улицу, находящуюся у черта на рогах? А кто его знает... Наверное, чисто по инерции. И потом, в извещении было написано про какое-то там загадочное счастье... Интересно же, что за счастье-то...

Перед путешествием Вова заскочил в супермаркет «Ваш» за чекушкой. Он не был законченным алкоголиком, но относился к классу «перехватчиков». То есть периодически перехватывал глоток-другой для тонуса, но при этом никогда не напивался. Просто ходил с утра до вечера слегонца датый. Поэтому в сумке у него всегда болталась чекушечка водки или фляжечка дешевого коньяка.

Кассирша Тамара, знойная молодая брюнетка, заметила Вове, что неплохо бы купить что-нибудь на закуску, например, нарезки. А зачем Вове закуска? Для «перехвата» закуска не нужна.

Район, где находилась Вторая Судомонтажная улица, располагался на другом конце Москвы. Так что Вове пришлось провести в метро целый час. Затем он минут сорок ехал на маршрутке мимо привычных оврагов, родимых автобаз, складских объектов, цехов могильных памятников. Очень знакомые места наблюдал Вова. Хотя он и видел хреново, но мелкие детали проплывающего за окном пейзажа все же рассмотрел: там, за окошком, мелькало все то же самое, что и на подступах к его району.

– А скоро будет Вторая Судомонтажная улица? – спросил он сидящего рядом толстяка в кепке.

– Я сойду, – ответил попутчик, – а вы через две остановки.

– А где находится Первая Судомонтажная? – неожиданно для самого себя поинтересовался Вова.

– Не знаю... Где-то... Но не у нас. Здесь только Вторая и Пятая Судомонтажные. А где первая, третья и четвертая, нам не известно.

Толстяк впился в открытую книжечку с задачами судоку, а Вова припал к своей заветной фляжечке.

Как это ни странно, но Вторая Судомонтажная улица оказалась стопроцентной копией Новобетонной – родной улицы Вовы. Буквально ее зеркальным отражением. Настоящий район-клон. Вова тут же вспомнил известный, затертый до дыр советский фильм, коллизия которого разворачивалась на фоне однотипных новостроек разных городов. Однако сейчас он увидел что-то более странное. Можно сказать, запредельное. Окрестности Судомонтажной и Новобетонной были не просто похожи, они представляли одно и то же...

Покинув маршрутку, гость тут же нос к носу столкнулся со знакомым мужиком, бывшим соседом по больничной палате в районной больнице. Некоторое время назад Вова лежал в травматологическом отделении с серьезным растяжением.

– Как дела, земляк? – спросил знакомый. – Нога больше не болит?

– Все хоккей, – ответил Вова, оторопев. – А как ты, Николай Павлович, поживаешь? Как колено?

– Скрипим поманеньку...

Ради интереса Вова прогулялся по окрестностям Второй Судомонтажной. Все здесь один в один повторяло мир Новобетонной. Даже хромой барбос Бонапарт, дружок местной алкашни, сидел на своем законном месте около бойлерной. А бойлерную украшала знакомая нецензурная надпись. От нечего делать Вова заглянул в знакомый супермаркет. Он был, разумеется, точно таким же, как и на Новобетонной. Правда, назывался не «Ваш», а «Мой». Там, в супермаркете, симпатичная кассирша Тамара чуть было не нагрела Вову на пятьдесят рублей, когда он пробивал пачку пельменей. Может, случайно, а может, специально, кто ее знает.

Потом Вова зашел во второй подъезд дома номер пять и вызывал лифт. Достал из кармана извещение и проверил указанные координаты. Все верно – до счастья осталось рукой подать. Причем оно, счастье, находилось в квартире, обозначенной родным номером – 107. Вместе с Вовой в лифте поднималась молодая соседка Лена с трехлетней дочкой Светой. Девочка держала за поводок китайскую хохлатую по прозвищу Шпунтик.

– Ну что, нагулялись? – ради соседской приветливости спросил Вова. – Погодка-то сегодня – класс! Солнце, тепло...

– Да, – ответила Лена.

– Да, – ответила Света.

Шпунтик тьякнул что-то невнятное.

Дверь квартиры номер сто семь открыла беременная незнакомка. Красивая, но изрядно замотанная молодая женщина. Она встретила его ненакрашенной, в мешковатом байковом халате и в завязанной на затылке косынке. В квартире витал аромат какого-то варева. «На восьмом месяце», – мигом определил Вова. Правой рукой женщина держала крохотного мальчика в одной майке, а в левой – дугу детской коляски, испускающей жалобный младенческий писк. Мальчик в майке увлеченно грыз огромную морковь.

– Пришел? – спросила усталая женщина. – Где же ты шлялся полдня? В доме шаром покати, креативщик ты хренов. Хоть бы с детьми погулял...

В коридор выглянуло хмурое мамино лицо и тут же скрылось за дверью маленькой комнаты.

От неожиданно нахлынувших чувств, малознакомых, но очень сильных, в глазах Вовы образовались слезные линзы, и на несколько мгновений его зрение значительно обострилось. Потом слезы выкатились, и квартира вновь расплылась в привычной нечеткости.

# СМЕШНЫЕ ЦЕНЫ

Юля не поддавалась старению. Не то чтобы она специально молодилась, просто у нее не было времени стареть: все заботы, дела, проекты. А в России, как известно, старость, особенно женская, начинается очень рано. Отучилась, вышла замуж, поставила детей на ноги – и здравствуйте, Андрей Малахов и газета «30Ж». Причем наши старушки всегда выглядят одинаково – что при Брежневе, что при Путине. Столичные бабушки не в счет. Они, по сути, иностранки. Хотя, надо признать, что в спальных районах Москвы и других крупнейших городов обитают все те же классические старушки-платочницы в валенках на молнии. Это и есть наша скрепа, которая реально, а не на словах, объединяет страну.

В общем, тетя Юля, несмотря на свои шестьдесят один, молотила дела с усердием рекламной зайки-барабанщика. Она топ-менеджерствовала в какой-то креативной компании. И энергии Юли хватало на раскрутку турбины небольшой электростанции. Что нельзя сказать о ее детях. Они почему-то отставали от нее по всем пунктам. И как-то не стремились догнать маму. Дети глядели на нее с иронией, по-стариковски снисходительно. Даже устало смотрели Лена и Вадик на стремительную и бодрую маму. Они были в папу – порядочнейшего, доброго кандидата наук, просидевшего без работы до самого развода, а после развода переехавшего

к своей маме. Ничего не поделаешь... Недаром говорят, что природа талантливых родителей на детях отдыхает. Впрочем, в Юлином случае речь о таланте и не шла. Она была просто гораздо энергичнее, активнее, а самое главное, сильнее бледной Леночки и болезненного Вадика, виски которого уже серебрились ранней сединой. И конца Юлиных сил никто не видел.

Однажды ночью ее ошарашило: «А ведь если так дальше дело пойдет, я их переживу! А это неправильно. Так быть не должно. стыдно так жить... Выходит, я заграбастала себе всю мощу, а им ничего не оставила? Как же так?»

Утром следующего дня Юля нашла на дне комода однотонное старомодное кашне и прикрыла им свою выпендренную короткую стрижку под Энни Леннокс. Быстренько купила в «Смешных ценах» коричневую болоньевую куртку, кошмарные дутики, бесформенные джинсы, безумных размеров кепи с наушниками и хозяйственную сумку на колесиках. Ходовая часть у этой сумки была причудливая – в виде треугольников из трех колес. Известно, что стандартные русские бабушки живут чудачествами. Они будто бы соревнуются, кто кого перечудачит, наполняя свои комнаты иконками в подковах, шунгитовыми наколенниками, фэншуйными жабами с монетками во рту, гематитовыми браслетами.

Известно,  
что стандартные  
русские бабушки живут  
чужаками. Они  
будто бы соревнуются,  
кто кого перечудачит,  
наполняя свои комнаты  
иконками в подковах,  
шунгитовыми наколенни-  
ками, фэншуйными жабами  
с монетками во рту,  
гематитовыми браслетами.

- чун, весь в себе, слово от него не услышишь,  
еврей, проще говоря.
- Я сегодня ночью, – вдруг соврала Юлия теперь уже Викторовна, – ни разу в туалет не сходила, хотя накануне, вечером, съела половину арбуза.
  - Не может быть! – не поверила своим ушам Фариды Ильясовны. – С ума сошла? Разве так можно? Ладно, я тебе сейчас дам хороший мочегонный рецепт. То-то я смотрю, у тебя вся морда опухла... Да, так прям и сказала...

Юлия Викторовна достала свой рабочий блокнотик, ручку и стала жадно записывать. Она старалась слово в слово перенести в свою новую копилочку всяких полезностей драгоценное средство. Разве такими рецептами можно разбрасываться?



Краситься Юля не стала. Во дворе, непривычно волоча сумку на треугольных колесах, она подошла к двум гуляющим старушкам «с прицепами»:

– А вы не знаете, что сегодня по акции в «Пятерочке» дают?

Одна из старушек поправила огромный каракулевый головной убор, похожий на папаху и берет одновременно, и охотно отчиталась по всем торговым акциям, проходящим в пяти ближайших супермаркетах. Потом другая бабушка в плюшевой чалме со стразами сообщила, что в «Смешных ценах» *дают* очень хорошие зимние тренки с утеплением. «Носить будешь всю оставшуюся жизнь, – добавила. – Сносу им нет». Затем первая старушка, которую, оказывается, звали Верой Евгеньевной, проинформировала, что вечером у Малахова будут показывать брошенного ребенка Пугачихи, а вторая бабушка, назвавшаяся Фаридой Ильясовной, поделилась сведениями, что от участковой терапевтики Кислициной получить направление на плановую госпитализацию труднее, чем поцеловать себя в жопу. Да, так прям и сказала... А еще Вера Евгеньевна сказала, что ее соседка сверху Марина – проститутка – сожительствоует с черным.

– А внизу живут два родных брата, – добавила почему-то она. – Мишка – нормальный русский парень, открытый такой, простой. А Петя – мол-